

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.2

Н. В. Пахомова, К. К. Рихтер, Г. Б. Малышков, Ю. П. Бондаренко

ОРГАНИЗАЦИОННО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СПРОСА НА ИННОВАЦИИ

Обращение к комплексной проблематике формирования спроса на инновации определяется совокупностью причин, таких как: недооценка сторонниками представлений о технологическом толчке — первооснове инноваций той роли, которую может играть инновационный спрос в качестве мощной и самостоятельно действующей рыночной тяги (*innovation pull*), способной запустить инновационный мультипликатор; сохранение на низком уровне инновационной активности российского крупного бизнеса (включая государственные предприятия); преобладание устаревших форм его взаимодействия с МСБ; недостаточный учет фактора спроса на инновации в разрабатываемых в стране программных документах, призванных запустить комплекс радикальных структурных реформ.

В настоящей статье авторы концентрируют внимание на следующих актуальных и являющихся взаимосвязанными вопросах: структура инноваций, теоретико-методологические основы исследования спроса на инновации и его главные компоненты; новые инициативы по организационно-институциональной поддержке спроса на инновации со стороны государства и отклик на них российского бизнеса; благосостояние населения как центральный элемент

Надежда Викторовна ПАХОМОВА — доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9; n.pahomova@spbu.ru; (812)-273-40-50

Кнут РИХТЕР — доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики предприятия и предпринимательства, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9; k.richter@spbu.ru; (812) 273-40-50

Григорий Борисович МАЛЫШКОВ — кандидат экономических наук, доцент, Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», Российская Федерация, 199106, Санкт-Петербург, 21-я линия, 2; greg.malyshkov@gmail.com

Юлия Павловна БОНДАРЕНКО — аспирантка, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9; ykabo@mail.ru; (812)-273-40-50

Nadezda V. PAKHOMOVA — Doctor of Economics, Professor, St. Petersburg State University; 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; n.pahomova@spbu.ru; (812)-273-40-50

Knut K. RICHTER — Professor, Doctor of Natural Sciences, Head of the Chair of Business Economics and Entrepreneurship, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; k.richter@spbu.ru; (812) 273-40-50

Grigoriy B. MALYSHKOV — Candidate of Economics, Associate Professor, National Mineral Resources University (University of Mines); 2, 21stline, St. Petersburg, 199106, Russian Federation; greg.malyshkov@gmail.com

Yulia P. BONDARENKO — post-graduate student, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; ykabo@mail.ru; (812)-273-40-50

рыночной тяги по формированию потребительского спроса на инновации. Библиогр. 67 назв. Ил. 1. Табл. 1.

Ключевые слова: спрос на инновации, технологический толчок и спросовая тяга, организационная поддержка, бизнес-инновации, инновационные сети, рыночные стимулы, спрос на институты, государственная интервенция, потребительская компонента спроса на инновации.

N. V. Pakhomova, K. K. Richter, G. B. Malyschkov, J. P. Bondarenko

STIMULATING DEMAND FOR INNOVATION: INSTITUTIONAL AND ORGANIZATIONAL DRIVERS

The authors identify several important factors which hinder Russia's ambitions to play a more significant role on the innovation markets (technological, products, services, others). Firstly, the low level of understanding of the innovation pulling power of the demand by some scholars, especially by the advocates of the «technology-push», secondly, the obsolete attitudes of the big business players (including state-owned enterprises) which neglect cooperation with the SME and, thirdly, the insufficient focus on the innovation demand in the government radical structural reforms seem to be substantial obstacles of the innovation growth.

The authors provide a detailed analysis of the structure of innovation, the methodological approaches to the innovation demand, the new governmental initiatives to strengthen the demand for innovation, businesses' reactions to the latter and the prosperity of the population. Refs 67. Fig 1. Table 1.

Keywords: innovation demand, technology-push, demand-pull, organizational support, business innovations, innovation networks, market incentives, demand for institutions, public intervention, innovations and consumer demand.

1. Введение: актуальность темы и ее ключевые аспекты

Создавшаяся в России ситуация (в том числе под воздействием санкционных ограничений) резкого сокращения финансовых ресурсов для инвестиций, повышения уровня инфляции, ухудшения конъюнктуры и усиления неустойчивости на мировых рынках, которую можно трактовать как неблагоприятную для обсуждения темы инноваций, на самом деле является релевантной для данной темы. Дело не только в особой ментальности определенной части российского населения и предпринимательских кругов, для которой справедлива ставшая сакраментальной поговорка «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Специфика момента состоит и в резком сжатии в затянувшийся посткризисный период традиционных ресурсов экономического роста, а также в появлении на его пути новых барьеров в результате снижения мировых цен на энергоресурсы (основного источника валютных доходов страны), что выдвигает на первый план по своей значимости нестандартные подходы, включая инновационные.

Как следует из теории делового цикла, одним из важных средств преодоления посткризисного спада является инновационное обновление производственного аппарата в ключевых отраслях экономики, которое призвано служить драйвером экономического подъема и сопровождающего его повышения вначале инвестиционного, а затем и потребительского спроса. Формируемый на волне экономического подъема спрос для придания ему устойчивого характера должен включать в себя спрос на инновации. Однако данный рычаг под воздействием проведенных в 2009–2011 гг. российскими властями массированных антикризисных мер и денежных вливаний, призванных спасти системообразующие для страны банки и предприятия крупного бизнеса, вследствие быстро последовавших позитивных изменений был временно отодвинут на задний план и вновь востребован лишь в последние месяцы.

Инновационное развитие имеет, таким образом, циклическую волновую природу, что важно учитывать при разработке соответствующих антикризисных стратегий на различных управленческих уровнях, включая уровень национальной макроэкономики, региональный, секторальный и корпоративный, специально выделяя в них меры соответствующей целевой направленности. Между тем недоучет фактора инноваций в разрабатываемых и реализуемых в стране антициклических программах в определенной мере свойственен и утвержденному правительством в январе текущего года Плану первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г. (далее: План первоочередных мероприятий-2015) с объемом финансирования в 1,3 трлн руб., значительную часть которых вновь предполагается направить на докапитализацию системно значимых банков¹. Следует обратить внимание на то, что, хотя в российской финансовой системе именно банки принято относить к числу важнейших каналов, по которым инвестиционные деньги поступают в экономику, на практике, по оценке экспертов, банковские кредиты не выступают основными источниками инвестиций для российских компаний [Яковенко, 2015]. Определенные сомнения можно высказать и в отношении установленного правительством списка системообразующих предприятий для обеспечения их устойчивого функционирования. В качестве критериев для вхождения в данный план использовались показатели численности персонала (не менее 4 тыс.) и размер налоговых отчислений за последние три года (не менее 5 млрд руб.) без акцентировки внимания на инновационную активность, эффективность и конкурентоспособность субъектов хозяйственной деятельности [Нетребя], что может иметь своим результатом «простое» воспроизведение структурных диспропорций, свойственных современной модели российской экономики.

Анализируя роль инноваций в решении задачи поворота страны на траекторию устойчивого, свободного от шоковых потрясений и опирающегося на сбалансированный комплекс внутренних и внешних драйверов развития, полезно выявить причины, по которым в прошедший после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. период не удалось, несмотря на предпринимаемые по многим направлениям усилия, подстегнуть инвестиционный бум и перейти на инновационную модель роста. Совокупность такого рода причин имеет комплексную природу. Они обсуждаются участниками научного сообщества, представителями властных структур, политическими деятелями и экспертами. В данном контексте обращается внимание (как это имело место на заседании президентского Совета по модернизации в оценках вице-преьера А. Дворковича) на отсутствие прорывов в увеличении инновационной активности со стороны корпоративного сектора, включая государственные предприятия, а также на недостаточную эффективность использования интенсивно создаваемых в последние годы в стране объектов инновационной инфраструктуры [Мещеряков, 2014].

В продолжение этой темы в научной литературе выявляется недостаточная скоординированность целевых установок, инструментов и механизмов научно-тех-

---

¹ Для поддержки банков предусмотрено выделение 1 трлн руб. из средств Агентства по страхованию вкладов и 250 млрд руб. из ФНБ. Кроме того, планируется предоставление госгарантий по кредитам и займам, привлекаемым крупными компаниями (200 млрд руб.) на борьбу с безработицей (до 52,2 млрд руб.) и поддержку сельского хозяйства (до 50 млрд руб. в 2015 г.) [План первоочередных мероприятий..., 2015].

нической, промышленной и инновационной политики государства и вместе с тем слабая результативность самой инновационной политики при неполном вовлечении в ее реализацию частного бизнеса [Фролов, 2013]. Глава Комитета гражданских инициатив А. Кудрин, выступая на Всемирном экономическом форуме в Давосе при обсуждении проблемы неэффективности действующих в стране институтов, также констатировал, что госкомпании и госкорпорации (как и, добавим от себя, естественные монополии²) по существу не справились с задачей создания инновационной экономики и подтвердил эти оценки следующими данными: если десять ведущих стран мира в 2014 г. израсходовали на технологии и инновации 1,6 трлн долл., то в России на эти цели было направлено лишь 38 млрд долл. [Коптюбенко, Немцова, Гликин, 2015].

С учетом существующей опасности погружения страны в стагфляцию представители экспертного сообщества расширяют грани проблемы с выходом на неотложность структурных макроэкономических реформ. Экс-премьер РФ Е. Примаков в связи с этим подчеркнул значение диверсификации страны, перехода к реальному федерализму и обеспечения эффективной экономической децентрализации, включая предоставление максимальной экономической свободы регионам и возврат к положениям Бюджетного кодекса 1998 г., когда все доходы по налогам федеральный центр и регионы делили в пропорции 50 на 50 [Романюк, 2015].

Представители международных организаций также обращаются к проблеме неустойчивости экономик развивающихся стран, основная часть экспортных доходов которых зависит от мировых цен на энергетические ресурсы. Среди них председатель МВФ Кристина Лагард. Акцентировав внимание на задаче ускорения экономического роста и увеличения занятости, она подчеркнула необходимость придания росту в этой группе стран инклюзивного и всеобщего характера с выходом на более устойчивую и сбалансированную его траекторию [Лагард: Мировой экономический рост...]. На целесообразность активизации усилий по переходу России к зеленой экономике, со свойственной ей устойчивой, инклюзивной моделью роста, органично интегрирующей императивы социально-экологического порядка, указывают и российские исследователи. При этом в качестве предпосылки для такого перехода подчеркивается значение последовательного внедрения всей совокупности инноваций [Брылкина, Мотосова, 2014; Пахомова, Рихтер, Малышков, 2014].

Если обратиться к оценке организационно-институциональных условий, которые должны придать росту инновационную направленность, и проанализировать реализуемые в этом направлении в последние годы меры, то можно заключить, что в России все еще наблюдается частичное, а не системное создание звеньев инновационной инфраструктуры при существенной неравномерности их размещения по территории страны (подробнее см.: [Пахомова, Ткаченко, 2014]). Что касается инновационной активности хозяйствующих субъектов, то, применяя к данной области выводы отраслевого анализа, можно констатировать, что, наряду со слабой заинтересованностью в инновациях госкорпораций и субъектов естественных монополий, крупные частные компании, многие из которых работают на рынках с олигополистической структурой, также далеко не всегда демонстрируют соответствующую актив-

---

² Напомним, что задача более активного подключения госкорпораций и естественных монополий к формированию спроса на инновации напрямую ставилась нынешним Президентом РФ В. В. Путиным еще летом 2010 г. (см.: [В. Путин: Естественные монополии и компании...]).

ность. Подобное поведение можно объяснить (но его, разумеется, нельзя оправдать) возможностью получения крупным бизнесом сверхприбыли не вследствие инновационных прорывов, а более легким путем — за счет сговоров или злоупотребления доминирующим положением (подробнее см.: [Пахомова, Казьмин, 2013]).

Закономерно встает вопрос: почему же тогда крупные компании, работающие за рубежом на сходных по структуре рынках (например, в нефтепереработке), несмотря на потенциальную возможность присвоения сверхдоходов за счет сговоров или злоупотребления доминирующим положением, в большей мере ориентируются на сверхприбыли, получаемые в результате их инновационной активности [Пахомова, Казьмин, 2013]. Не имея возможности в рамках одной статьи детально проанализировать эту тему, отметим лишь, что стимулом для зарубежного бизнеса в этом направлении служат, с одной стороны, условия жесткой конкуренции, с которыми он сталкивается, в том числе на глобальных развитых рынках, а с другой — более эффективная в сравнении с Россией работа регулирующих органов. Указанные обстоятельства с новой силой ставят вопрос о формировании развитой конкурентной среды и о ее институциональной поддержке для перехода страны на инновационную траекторию развития и реализации компаниями, согласно терминологии Шумпетера, стратегий творческого разрушения.

Возвращаясь к возможностям отраслевого рыночного анализа и применяя его к предприятиям малого и среднего бизнеса (МСБ), есть основания предположить, что их недостаточная вовлеченность в инновационные процессы является следствием не столько слабости рыночных стимулов, сколько причин другого порядка. В их числе — неустойчивость рамочных институциональных условий и избыточность административного регулирования, недостаточность мер финансовой поддержки и налогового стимулирования, а также несовершенство сложившихся форм взаимодействия с крупным бизнесом³. Именно последний призван предложить новые эффективные организационные рамки и взаимовыгодные контрактные, а также, возможно, сетевые формы взаимоотношений с МСБ, при одновременном предъявлении достаточного спроса на их инновационные продукты и услуги.

Указывая на своевременность активизации усилий по формированию в стране свободных эффективных рынков с развитой конкурентной средой в качестве необходимого условия, генерирующего у компаний постоянное стремление к инновациям (технологическим, продуктовым, сервисным, маркетинговым и др.) и выполняющего тем самым роль *инновационного толчка (innovative push)*, следует иметь в виду, что при этом создаются условия для инновационной активности, преимущественно на стороне *предложения*. Что же касается формирования обладающей достаточной силой *инновационной тяги (innovative pull)*, то решению этой задачи призван служить, прежде всего, *спрос на инновации* при учете всех его структурных компонентов.

Вместе с тем под воздействием инерции подходов, сложившихся еще в дорыночную эпоху, в рамках которых в центре внимания находилась преимущественно сторона предложения, включая проблему так называемого технологического толчка,

---

³ Предлагаемый представителями самого МСБ перечень наиболее острых проблем, которые относятся не только к барьерам на пути собственно инноваций, но и ко всей совокупности препятствий на пути их нормальной предпринимательской деятельности, обобщен в исследованиях, проведенных РБК (подробнее см.: [Серегин]).

другой стороне, а именно — рыночной тяге, задаваемой платежеспособным спросом на инновационные продукты, услуги, технологические системы и т. п., не всегда уделялось ранее должное внимание; не преодолена полностью эта инерция и сегодня. Между тем именно *спрос на инновации*, т. е. на новые, соответствующие общественным ожиданиям технологии, продукты и услуги, может запустить инновационный мультипликатор, повлиять на характер предлагаемых рынку инвестиционных и потребительских товаров, превосходя ожидания потребителей, облегчая их реализацию и создавая в итоге у основных участников инновационного процесса долгосрочные конкурентные преимущества.

Разумеется, для перехода к инновационной модели развития, как уже отмечалось выше применительно к МСБ и как следует из теории национальной инновационной системы, и успешного опыта ее практической имплементации важно постоянно держать в поле внимания задачу формирования адекватных организационно-институциональных рамок, которые тоже призваны выступать составным звеном *инновационной тяги*. Значение активизации усилий по организационно-институциональной поддержке инноваций, как и настоятельность преодоления недооценки фактора спросовой тяги, подтверждают данные Глобального индекса инноваций за 2014 г., согласно которым Россия, заняв в этом рейтинге общее 49-е место и поднявшись по отношению к предшествующему году на 13 позиций, все еще наталкивается на существенные препятствия на пути инновационного развития, к числу которых относятся несовершенные институты (88-е место), а также неразвитый внутренний рынок (111-е место) [Global Innovation Index, 2014].

Кроме того, подчеркнем особо: с учетом сегодняшних реалий совокупность этих обновляемых рамочных условий должна органично интегрироваться в комплекс выработываемых в стране антикризисных мер. Также целесообразно переосмыслить зафиксированные ранее в официальных документах, включая Инновационную стратегию-2020, приоритетные направления развития экономики для концентрации усилий на отраслевых секторах, которые призваны в свете новых вызовов стать локомотивами устойчивого, базирующегося на инновациях экономического роста. Определить таковые, т. е. сегменты, способные выполнять роль драйверов инновационного развития, правильно сформировав с этой целью научно-технологические, отраслевые и инвестиционные приоритеты, помогает, наряду с учетом рекомендаций российского экспертного сообщества, вдумчивая оценка успешного зарубежного опыта.

С учетом степени актуальности различных аспектов заявленной проблематики и характера ее обсуждения специалистами, экспертами, представителями бизнес-сообщества и властных структур основное внимание в статье будет сконцентрировано на следующих взаимосвязанных вопросах:

- 1) структура инноваций, теоретико-методологические основы исследования спроса на инновации и его основные компоненты;
- 2) новые инициативы по организационно-институциональной поддержке спроса на инновации со стороны государства и отклик на них российского бизнеса;
- 3) благосостояние населения как элемент рыночной тяги по формированию потребительского спроса на инновации.

2. Структура инноваций, теоретико-методологические основы исследования спроса на инновации и его основные компоненты

Авторы настоящей статьи исходят из представления об инновации как много-сложном междисциплинарном феномене, который отражает создание и практическое применение новых научно-исследовательских, технико-технологических, организационно-экономических, социально-политических и других способов удовлетворения социально значимых реально существующих и потенциальных потребностей (см. также [Кучко, 2008]). Мы опираемся на классификацию инноваций и основных направлений инновационного процесса, которая отталкивается от идей, впервые сформулированных Шумпетером [Schumpeter, 1936], далее развитых в ряде авторитетных и признанных специалистами международных документах, включая Руководство Осло [2010] и Министерский доклад ОЭСР [Ministerial Report], и разделяемых целым рядом российских авторов [Голиченко, 2014; Кучко, 2008; Экономика инновационных..., 2013, с. 15–16]. Речь идет о трактовке инноваций как комплексного феномена, в котором, с одной стороны, объединяются производственно-технологические нововведения, подразделяемые в свою очередь на процессорные, продуктовые и сервисные инновации, а с другой — интегрируются организационные, маркетинговые, социальные и поведенческие инновации.

Применительно к *технологическим инновациям* важным является сформированное Й. Шумпетером представление об их последовательном развертывании на четырех взаимосвязанных стадиях, которые объединяют фундаментальные исследования (по Шумпетеру — изобретения); прикладные исследования; разработки; коммерческое производство и использование. Завершают этот процесс, как и своеобразный жизненный цикл нововведений, различные формы их диффузии, в ходе которой инновации приобретают, как выражаются специалисты, рутинный характер.

Говоря о коммерциализации результатов НИОКР в качестве обязательного этапа, свойственного прежде всего технологическим инновациям, целесообразно учитывать указание ряда авторов на неправомерность предъявления столь жестких требований к любому типу нововведений [Кучко, 2008, с. 62]. Оценка успешности инноваций с позиции приносимой ими коммерческой выгоды необходима в первую очередь в случае улучшающих (в иной терминологии — инкрементальных) инноваций, которые должны напрямую коммерциализироваться, способствуя экономическому росту и генерации как у самого инноватора, так и у потребителей его продукции и услуг, денежных потоков в форме дополнительной прибыли. Что касается базисных (или радикальных) инноваций, которые обуславливают появление принципиально новых средств удовлетворения общественно значимых потребностей, внося качественно новые моменты в способы жизнедеятельности людей [Перлаки, 1981], или же способствуют формированию новых рынков и отраслей [Mensch, 1979], то для коммерциализации их результатов, как правило, характерны высокая степень риска и неопределенности. Более того, в краткосрочном интервале эта задача далеко не всегда реализуема, что также не дает оснований «сходу» рассчитывать на получение от них значимых коммерческих результатов⁴.

---

⁴ Вместе с тем данная ремарка никак не должна затушевывать злободневность для России проблемы превращения инноваций (включая фундаментальные) в успешные бизнес-проекты, решение которой облегчается, но не снимается полностью в рамках инновационных технопарков, научно-

Как уже отмечалось выше в настоящей статье, доминирование среди специалистов представлений о технологическом толчке как первооснове инноваций предопределило существовавший в научной литературе в течение относительно длительного времени акцент на преимущественный анализ стороны предложения. Подобные односторонние представления были преодолены усилиями целого ряда ученых. Одним из первых авторов, занимавшихся подробным изучением спроса на инновации, был Дж. Шмуклер, который обратил внимание на то, что в рамках делового цикла увеличение спроса обычно предшествует изобретательской деятельности [Schmookler, 1962]. Критикуя традиционные взгляды, согласно которым технологические инновации в качестве драйверов, формирующих предложение, сами по себе открывают окна возможностей для прибыльности изобретений, он провел расширенное исследование исторических данных по межотраслевой патентной статистике с обработкой ее методом временных рядов, а также изучил многочисленные исторические примеры. Это дало ему основание сформулировать принципиальный вывод о необходимости учета влияния стороны спроса (*demand-pull influences*) как значимого фактора, воздействующего на инновационный процесс [Schmookler, 1962].

Проблема взаимоотношения предложения и спроса на инновации, пережив острые дискуссии, в том числе по вопросу о сравнительной важности каждой из этих двух сторон [Dosi, 1982], в настоящее время изучается в более спокойном варианте. В качестве разделяемого многими авторами утвердилось представление о том, что односторонние интерпретации, согласно которым наиболее важно либо инновационное предложение (выполняющее роль *innovative push*), либо спрос (*innovative pull*), являются контрпродуктивными. Причем этот вывод справедлив и для научных исследований, и для прикладного анализа в части выработки рекомендаций: на макроуровне — в области государственной политики, на микроуровне — при формировании стратегий бизнеса.

Авторы, занимающиеся этой комплексной проблематикой, обращались и к другим ее аспектам. Полученные выводы целесообразно учитывать российским исследователям и практикующим специалистам. Так, Моуери и Розенберг указывали, что рыночная необходимость (*market need*) не может служить точной мерой спроса. Когда речь идет о спросе как драйвере инноваций, то целесообразно иметь в виду именно рыночный (платежеспособный) спрос, а не безграничные человеческие потребности. Наряду с этим рыночный спрос в качестве основы для рациональных экономических решений не должен отождествляться и с возникающими на рынке многообразными ценовыми флуктуациями [Mowery, Rosenberg, 1979]. В литературе

производственных кластеров и т. п. Этот вывод лишний раз подтверждает весьма непростая история становления технопарка г. Троицка, расположенного в зоне большой Москвы, который получил в ноябре 2014 г. наряду с другими 25 инновационными кластерами от Минэкономразвития денежные средства в общей сумме 2,5 млрд руб. Одна из инновационных фирм кластера, «Авеста», лидирует на российском рынке фемтосекундных лазеров, мощность импульса которых сопоставима с мощностью всех электростанций мира и которые, обладая к тому же свойством незначительного нагрева материала, имеют широчайший спектр возможных областей применения. Другой удачный пример — разработка с выходом на промышленное производство в Троицком институте земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн имени Н. В. Пушкина РАН (ИЗМИРАН) георадаров — устройств, позволяющих видеть сквозь толщу земли. Тесно сотрудничающая с ИЗМИРАН ООО «Компания ВНИИСМИ», которая также входит в Троицкий инновационный кластер, продала уже более пятисот таких устройств, используемых в разнообразных операциях: от поисков мамонтов до картографирования древних храмов [Сараев].

последующих лет стал отчетливо проявляться возрастающий интерес к факторам, которые определяют успех в коммерциализации открытий и изобретений. Одним из результатов этих исследований стал вывод, согласно которому вероятность подобного коммерческого успеха возрастает при учете (наряду с технологическими возможностями) фактора спроса на инновации и конкурентной ситуации на соответствующих рынках. Кроме того, эта вероятность зависит от существующих возможностей присвоения (*appropriability*) инноваторами результатов от использования нововведений, в частности посредством патентной защиты [Åstebro, 2003].

Наличие двух самостоятельных научных школ в вопросе о взаимоотношении инновационного толчка и рыночной тяги не препятствует концентрации внимания на одной из этих сторон. На определенных этапах развития общества одна из них может в силу некоторых причин приобрести преобладающее значение. В современных специфических условиях, в силу обозначенных во Введении обстоятельств, ключевую роль для России приобретают факторы, связанные именно с формированием спроса на инновации. Совокупность этих детерминирующих обстоятельств, наряду с практической значимостью задачи формирования для инноваторов протекающих из рынков стимулов, которые выполняют в конкурентной среде функцию мощной и самостоятельно действующей инновационной тяги (*innovation pull*), также включает и недостаточный уровень разработки этой остроактуальной проблемы в литературе, прежде всего в отечественной⁵. Не меньшее значение имеет проблема окупаемости инвестиций в инновации, а также неполный учет фактора инновационного платежеспособного спроса в разрабатываемых в стране в последние месяцы программных документах, призванных запустить комплекс назревших для экономики и общества в целом структурных реформ. На актуальность темы обращают внимание и представители бизнес-сообщества, в том числе при обсуждении того места, которое должен занять в этом процессе малый и средний бизнес, и какими должны быть, с одной стороны, наиболее эффективные формы его взаимодействия с крупными компаниями — генераторами спроса на инновационные разработки, а с другой — целесообразные модели кооперации между собой⁶.

Что касается научного осмысления проблемы спроса на инновации в отечественной литературе, то оно проводится по ряду направлений, в частности при обосновании отраслевых приоритетов реализации модернизационных процессов и перехода на инновационную траекторию [Бляхман, Газизуллин, 2014], в ходе изучения институциональных механизмов стимулирования спроса на инновации в регионах [Закирова, 2011], а также в отдельных отраслях [Мазница, 2010]. На данную пробле-

---

⁵ Вместе с тем можно с удовлетворением констатировать, что инерция традиционных, односторонних и в основе своей нерыночных представлений все же преодолевается. Положительным примером обращения к проблеме формирования спроса на инновации в научно-прикладном аспекте могут служить рекомендации ученых РАН по выходу страны из кризиса, которые исходят из концепции новой индустриализации на базе новейшей научно-технической основы. Как полагают специалисты РАН, в стране целесообразно сосредоточить усилия на обновлении производственного аппарата и стимулировании производства в цепочках, обеспеченных спросом, в числе которых «машиностроение — ОПК» и «машиностроение — ТЭК». При этом ключевыми звеньями в этих цепочках должны стать станко-инструментальная промышленность, электротехническая и электронная промышленность, а также приборостроение [Ведущие ученые РАН дали...].

⁶ Данная тема стала предметом специального анализа на организованном Ассоциацией менеджеров России в июне 2014 г. круглом столе «Формирование спроса на инновации: проблемы, задачи, перспективы развития среднего бизнеса» (URL: <http://i.rbc.ru/anons/>...).

матику активно откликаются и работающие в России консультирующие зарубежные эксперты, которых, в частности, волнует проблема повышения спроса на инновации со стороны крупного российского бизнеса. В связи с этим ими было вновь привлечено внимание к тому факту, что у нефтегазовых компаний, относящихся в России к числу крупнейших инвесторов, в структуре затрат на НИОКР основной статьей является не создание новых технологий и продуктов, а закупка оборудования [Эксперт Юг, 2010], причем, заметим от себя, до недавнего времени — преимущественно иностранного.

С учетом накопления значительного исследовательского материала к числу значимых относится и вопрос о *структуре инновационного спроса*. С макроэкономических позиций в составе совокупного спроса в данном контексте целесообразно выделять, с одной стороны, спрос государства, частных предприятий и домашних хозяйств, а с другой — инвестиционный и потребительский спрос. Самостоятельное значение имеет и микроэкономический разрез инновационного спроса, конкретно, на уровне отдельных бизнесов и домохозяйств. Кроме того, необходимо разграничивать внутренний спрос, формируемый на национальных отраслевых рынках (в масштабе всей страны, в рамках отдельных регионов и муниципалитетов), для покрытия которого перед отечественными производителями весьма остро стоит задача импортозамещения, а также спрос, складывающийся на зарубежных, включая глобальные, рынках. Понятно, что все основные структурные составляющие спроса на инновации должны являться объектом сбалансированного изучения. Вместе с тем с учетом ограниченного объема статьи, а также степени актуальности проблематики основное внимание в ней будет уделено в основном инвестиционному и потребительскому спросу и его поддержке в рамках адекватных организационных структур и специальной теме формирования и своеобразного «покрытия» спроса на институциональные инновации.

Представляя классификацию направлений инновационного процесса с учетом тематики данной статьи, целесообразно обратить особое внимание на сложную совокупность *организационных инноваций*, которые отражают разработку (дизайн) и внедрение новых форм взаимодействия властных структур и субъектов предпринимательской деятельности, предпринимателей между собой, в том числе объединенных цепочками поставок, а также их кооперационных связей с научно-исследовательскими организациями (например, в рамках научно-производственных кластеров). В этом же ряду — новые методы организации производственных и сервисных процессов внутри самих бизнес-единиц, для идентификации которых специалисты обращаются к понятию *операционные модели* [Березной, 2014, с. 67]. В случае организационных инноваций, как можно заметить, продуктивным является их разграничение на инновации макро-, мезо- и микроуровней.

Отметим в связи с этим, что в Глобальном индексе инноваций (ГИИ) индикаторы детально раскрывают инновационное развитие стран мира и разбиты на две комплексные группы. Среди параметров первой из них (располагаемые странами ресурсы и условия для проведения инноваций — *Innovation Input*) в составе показателей развитости бизнеса (*business sophistication*) специально выделены параметры, отражающие наличие организационных инноваций. Речь идет о пятой по общему счету опоре (*pillar*) входных ресурсов, определяющей *business sophistication*, которая оценивается в свою очередь через квалификацию персонала (5.1), развитие коопе-

рациональных связей (5.2) и степень аккумуляции (*absorption*) новых знаний (5.3). По степени развитости кооперационных связей в области инноваций, как и по распространению государственно-частно-академических партнерств, Россия занимала в 2014 г. недопустимо низкую 126-ю позицию. В том числе по показателям, характеризующим совместные исследования университетов и бизнеса, она была на 62-м месте; по развитию кластеров — на 117-м; по расходам на НИОКР, финансируемым из-за рубежа, — на 66-м, по числу совместных предприятий (*joint ventures*) и стратегических альянсов — на 52-м месте [Global Innovation Index 2014...].

При обращении к проблеме организационных инноваций и их воздействию на формирование инновационного спроса на микроуровне (уровне бизнес-единиц) надо учитывать, что здесь новые организационные формы, часто являясь прямым следствием технологических нововведений, играют важную роль в трансферте возникающих у инноваторов новых идей в инновационные процессы, продукты, услуги и бизнесы [Руководство Осло..., 2010]. Наряду с этим наблюдаемые в последние годы новые подходы к организации бизнес-процессов важны и для достижения компаниями устойчивой конкурентоспособности. Этот вывод подтверждает опыт последних лет таких глобально успешных компаний, как *Apple*, *Amazon*, *IKEA*, *Nestle*, *Wall-Mart*, *Virgin Group* (последняя в перечне является одной из первых компаний-дискаунтеров на рынке пассажирских авиаперевозок), по формированию целостных *инновационных бизнес-моделей*. Под таковыми понимается комплексный феномен, отражающий комбинацию, с одной стороны, уникального и сложного для воспроизведения конкурентами способа создания и доставки клиентам потребительной ценности, служащей удовлетворению их целевой потребности, а с другой — особого механизма генерирования инноватором прибыли [Teese, 2010, p. 192; Березной, 2014, с. 66–69]. Подобные бизнес-модели, преодолевая свойственную компаниям, в том числе крупным, организационную инерцию, позволяют освободиться от организационной рутины, подготовив почву для радикальной перестройки совокупности операционных, финансовых и маркетинговых процессов навстречу потребностям широкого круга потребителей. И они представляют собой удачный пример интеграции в рамках целостной организационной оболочки инновационного производственно-технологического толчка и проистекающей от многочисленных потребителей рыночной тяги.

Примером удачного сочетания этих компонентов может служить инновационная бизнес-модель *Nespresso* швейцарской пищевой компании *Nestle*, усиленная развитыми каналами продвижения продукции на рынок, в которые встроена, с одной стороны, международная сеть пищевых бутиков, а с другой — возможность заказов расфасованного в специальные капсулы кофе разнообразных сортов через Интернет в рамках клуба *Nespresso*. Именно благодаря этой бизнес-модели, которая включает также продажу специальных, удобных в использовании и обеспечивающих высокое качество автоматических кофеварок, компания достигла мирового лидерства на рынке инкапсулированного кофе с долей, превысившей в 2013 г. 31% от глобального рынка [Березной, 2014, с. 72]. Очевидно, что российские компании должны осваивать позитивный опыт перехода к подобным инновационным бизнес-моделям, каждая из которых характеризуется уникальным сочетанием микроинноваций и на стороне предложения, и на стороне формирования и поддержки спроса, сочетанием, которое обеспечивает высокую конкурентоспособность бизнеса.

К числу заслуживающих внимания организационных инноваций микроуровня относятся также *инновационные сети*, характеризующиеся большим разнообразием и гибкостью, участие в которых трактуется топ-менеджерами ряда крупнейших компаний как важнейшая предпосылка устойчивости их конкурентных позиций, в том числе на глобальных рынках. Обращаясь к определению инновационных сетей и учитывая отсутствие среди экспертов по данному вопросу полного единства, остановимся на мнении практикующих авторитетных специалистов. Так, *Larry Huston*, являвшийся в течение многих лет вице-президентом по инновациям и знанию международной корпорации *Procter & Gamble*, определяет инновационные сети как совокупность внешних по отношению к компании, а также внутренних индивидов и организаций, которые в целом формируют ее интеллектуальные активы. Эти активы компания может интегрировать в свой бизнес, привлекая к решению проблем и нахождению идей для ее творческого роста посредством утверждения отношения к этим активам как к составной части собственной организации [Innovation Networks..., 2007]. Подобная вовлеченность в дела организации, кроме того, способствует оперативному продвижению новой продукции компании на рынок, преодолевая часто возникающее у покупателей недоверие к новой, возможно более дорогостоящей, продукции и обеспечивая покрытие возникающих у инноватора немалых затрат достаточным платежеспособным спросом.

Что касается достоинств инновационных сетей, то специалисты, как правило, отмечают следующие: расширение в их рамках эффектов, обусловленных экономией от масштаба и разнообразия, которые распространяются на всех участников сетевых взаимодействий; повышение эффективности в управлении издержками и распределении риска; увеличение способности к обучению, имеющее особое значение в условиях постоянных и быстрых технологических изменений и сдвигов в предпочтениях потребителей. В этом же ряду — гибкость, облегчение трансферта неявных (некодифицированных) знаний, с которым плохо справляется стандартный рыночный механизм, а также скорость производства и вывода новой продукции и услуг, в том числе посредством аутсорсинга с поставщиками. Наличие у инновационных сетей перечисленных выше качеств позволяет (как и для случая инновационных бизнес-моделей) формировать в их рамках благоприятные условия для согласования инновационных предложения и спроса, запуская внутри них инновационный мультипликатор.

Все это указывает на целесообразность активизации внимания к данной эффективной организационной форме в России. Иллюстрируя цифрами степень вовлеченности российских инновационно-активных фирм в кооперационные связи, можно констатировать противоречивость ситуации. С одной стороны, удельный вес фирм, вовлеченных в подобные связи, в 2009–2011 гг. составлял 58% от всех инновационно-активных фирм [Симачев и др., 2014, с. 9], но с другой — в стране недопустимо низким является удельный вес самих указанных компаний. Так, по данным, представленным вице-премьером А. Дворковичем при подведении им промежуточных итогов выполнения «Стратегии инновационного развития на период до 2020 г.», доля промышленных организаций, осуществляющих модернизацию любой разновидности (технологическую, организационную, маркетинговую), составляет в стране лишь 11% при целевом показателе 24% [Мещеряков, 2014]. Неудовлетворительной является ситуация с достижением и ряда других целевых индикаторов

Стратегии, включая показатель уровня внутренних затрат на исследования и разработки в процентах от валового внутреннего продукта, который стабилизировался в последние годы на недопустимо низком уровне, составляющем чуть больше 1% от ВВП. Российский бизнес фактически не увеличивает финансирование инновационных проектов, НИОКР и внедрение инновационных технологий⁷, несмотря на то что, согласно Стратегии инновационного развития на период до 2020 г., доля страны на глобальных рынках высокотехнологичных товаров и услуг (атомная энергетика, авиатехника, космическая техника и услуги, специальное судостроение и т. д.) должна достичь 5–10%, а доля предприятий, осуществляющих технологические инновации, должна возрасти до 40–50%.

В последние годы проявляется ряд новых тенденций во взаимоотношениях крупного бизнеса и малых инновационных предприятий. Наряду с распространением практики покупки крупными компаниями инновационных малых и средних предприятий (МСП) в ходе реализации сделок M&A, активизации которой способствует также сложная экономическая ситуация, приводящая к снижению рыночной стоимости покупаемых бизнесов, сотрудничество крупных компаний с высокотехнологичными малыми предприятиями реализуется и в других формах. Речь идет, в частности, об интенсификации усилий по созданию при крупных корпорациях специальных венчурных подразделений, организованных по принципам венчурного фонда, инвестирующего в сторонние проекты. Немалым опытом формирования корпоративных венчурных подразделений обладают такие компании, как *Google*, *Cisco*, *Intel*, *Samsung* и ряд др. Что касается России, то в этой области пока наблюдаются лишь единичные примеры, к числу которых относится собственное венчурное подразделение Сбербанка, активно взаимодействующее с венчурным рынком. На начальной стадии реализации подобные инициативы имеются у «Ростелекома» «Росатома» и «Ростехнологий» [Туркот, 2014].

Что касается перспектив российского венчурного рынка в целом, то, как показывают опросы, проведенные венчурным фондом *Prostor Capital* и компанией *Data Insight* в конце 2014 г., они оцениваются как неблагоприятные. Так, 59% респондентов, участвовавших в опросе, выразили уверенность в том, что часть сегодняшних участников рынка покинет его; 40% респондентов полагают, что объем инвестиций в венчурные проекты в России снизится. К числу значимых проблем для этого рынка (играющего, напомним, в развитых странах важную роль в поддержке инноваций, в том числе в трансфере нововведений разработчиков в инвестиционные проекты бизнеса) относится *низкий спрос на венчурные проекты* со стороны потенциальных российских инвесторов (подтвердили 93% опрошенных), и, как результат, переориентация проектов венчурных фондов на зарубежные рынки, включая Израиль и страны Восточной Европы. Параллельно увеличивается число проектов, разработчики (основатели) которых приходят за инвестициями в фонды (указали 59% инвесторов), улучшается подготовленность проектов к инвестициям, а также наблюдается большая сговорчивость основателей проектов при обсуждении усло-

---

⁷ Так, если в корпорациях аэрокосмической и оборонной отраслей, по данным консалтинговой компании *Booz&Co*, на НИОКР в Северной Америке тратится около 3,0% выручки, в ЕС — около 5,7%, в Китае и Индии — около 5,0%, в остальном мире — 2,8%, то в российской госкорпорации «Ростех» доля затрат на НИОКР в выручке составила в 2013 г. 1,34%, что существенно ниже, чем у иностранных конкурентов [Имитация инноваций...].

вий сделок (28% по обоим вопросам) [Краузова, 2014]. Иными словами, и в этом сегменте существует дисбаланс между увеличивающимся предложением и спросом на инновационные проекты.

Результаты подобного рода исследований, проводимых в последнее время, позволяют дополнительно аргументировать вывод о все еще недостаточном количестве инновационно-активных компаний в России. Они также указывают на почти полное отсутствие практики покупки крупным бизнесом на венчурном рынке предлагающих инновационные технологии стартапов. Потенциальные стратегические инвесторы по большей части действуют по старинке, организовывая самостоятельные исследовательские подразделения для разработки инновационной продукции собственными силами, нерационально расходуя на это время и средства, сдавая вследствие своей неповоротливости позиции на национальном и, тем более, на глобальном рынках. В этом можно усмотреть и слабость действующих в стране конкурентных стимулов на рынке инновационных проектов, и отсталость используемых крупным бизнесом операционных моделей, а также организационных форм его взаимодействия с инновационными МСП.

Вместе с тем, что касается более сложных кооперационных связей между предпринимательскими структурами, научно-исследовательскими организациями, инфраструктурными объектами и органами власти (федерального, регионального, местного уровней), то в этой области в стране наблюдается в целом позитивная динамика, правда, при существенной дифференциации по регионам. Речь идет об интенсивных процессах формирования научно-производственных инновационных кластеров, технопарков, наукоградов и т. п. Данные процессы находятся в поле внимания экспертного сообщества, ученых, представителей властных структур. При этом усилия ученых, разделяющих, как правило, идеи эволюционной экономической теории, включая концепции национальной инновационной системы и тройной спирали инноваций, в последние годы переориентировались на обобщение накапливаемого опыта, в том числе отрицательного, и возникающих проблем [Смородинская, 2011; Пахомова, Ткаченко, 2014; Унтура, 2014]. Данный анализ целесообразно продолжить, в том числе в части выявления стоящих на пути развития этих прогрессивных организационных форм барьеров в специфических условиях санкционных ограничений и дефицита источников финансирования. Сохраняет свою актуальность и центральная для статьи проблема формирования в рамках кластеров связи между инновационным предложением и спросом, на которую в последнее время выходят и российские исследователи [Симачев и др., 2014]. Что же касается обобщения позитивного международного опыта, то он, в частности, показывает, что в рамках кооперационного взаимодействия бизнеса, науки и государства, реализуемого по принципам тройной спирали инноваций, государство перестает занимать доминирующие позиции при формировании *инновационного предложения*, как это имело место в целом ряде стран раньше, концентрируясь на создании благоприятных рамочных условий кооперативного сотрудничества, включая взаимодействие бизнеса и научно-исследовательских организаций [Симачев и др., 2014, с. 6]. Насколько этот опыт согласуется с российскими реалиями и целесообразно ли его прямое воспроизведение, покажет далее проведенный в статье анализ.

3. Новые инициативы по институциональной поддержке спроса на инновации со стороны государства и отклик на них российского бизнеса

3.1. К вопросу о формировании спроса на институциональные инновации

В связи с особой ролью, которую играют для осуществления инновационного процесса рамочные условия, в последние годы исследователи активно обращаются к проблеме институциональных инноваций (в данном контексте используется понятие «организационно-управленческие нововведения»), которые объединяют новые системы стимулирования и мотивации персонала, новые формы нормативно-правового регулирования, направленного на модернизацию хозяйственного, трудового и других форм законодательства и т. п. [Яковец, 2000, с. 8]. Данный подход с учетом проблематики статьи является весьма продуктивным, позволяя обратиться в ходе анализа спроса на инновации к такому важному аспекту данной проблемы, как формирование спроса на инновационные институты.

Прежде всего отметим, что острота сложившейся в России ситуации способствует выявлению спроса на институциональные инновации, с одной стороны, очищенного от конъюнктурных соображений и давления лоббистских группировок, заинтересованных лишь в поиске политической ренты, а с другой — более полно отражающего назревшие общественные потребности. Для формирования подобного спроса должны, в свою очередь, сложиться устойчивые группы интересов, позиция которых корреспондирует с задачами перехода страны на инновационную модель развития. Наличие таких групп лиц с устойчивыми интересами проявилось, в частности, в принятии в последнее время по ряду значимых тем качественного федерального законодательства. Одновременно необходимо наличие политической воли по последовательной имплементации назревших мер, включая разработку и реализацию государственной инновационной политики и поддерживающих ее инструментов.

Уяснить, почему эти давно назревшие меры часто реализуются с немалым опозданием, пройдя сверхдлительный период предварительных согласований и наталкиваясь на противодействие могущественных не заинтересованных в их принятии акторов, помогает обращение к работам представителей тех научных школ, для которых данная проблематика является центральной. В контексте поднятых в статье тем наиболее интенсивно она анализируется в рамках экономико-правового направления, включая школу правового реформизма (или новую Хейвенскую школу). В центре ее внимания, наряду с ролью государства в современном обществе, находятся вопросы проведения административных реформ, призванных повысить эффективность функционирования институтов государства и рынка, в частности, посредством устранения избыточной бюрократизации и регулирования, обеспечения транспарентности деятельности властных структур, а также минимизации таких явлений, как взятки, коррупция, серые схемы оплаты труда и т. п. При этом в качестве критерия для выбора между различными институциональными устройствами (institutional arrangements) наиболее эффективных используются минимизация соответствующих транзакционных издержек и повышение уровня доверия к власти (подробнее см.: [Пахомова, 2013]).

Механизмы формирования спроса на институты, призванные поддерживать прогрессивные изменения в обществе (включая поворот страны к инновационной

модели развития), т.е. выполнить функцию *innovation pull*, изучаются и учеными, занимающимися динамическим институциональным анализом. К числу базовых понятий этого анализа относятся транзакционные издержки, сопровождающие переход от одного институционального устройства к другому, спрос на институциональные инновации, который реализуется через сложное взаимодействие экономических и политических акторов (групп интересов), поиск политической ренты и ряд др. Как следует из проводимых в его рамках исследований, формирование спроса на институциональные инновации, которые адекватны технико-технологическим нововведениям и выполняют для них функцию *innovative-pull*, зависит от множества факторов. Причем экономические акторы не способны напрямую изменять институты; они проявляют спрос на институциональные изменения, оказывая воздействие в нужном для них направлении на политических акторов, которые и выступают на первый план, участвуя в модернизации законодательства [Пахомова, 2013, с. 78–82]. И экономические, и политические агенты в процессе принятия решений взвешивают соответствующие выгоды и издержки. Факторами, стимулирующими институциональные инновации и реформы, наряду с встающими перед страной новыми вызовами, служат высокие транзакционные издержки, присущие ныне действующим институтам, что и мотивирует инвестиции в институциональные изменения. Однако успех институциональных реформ, даже когда потребность в них осознанна и на этот счет в обществе достигнут своеобразный консенсус, зависит от множества других факторов, включая ограниченность располагаемых страной ресурсов, а также присущую самим институтам зависимость от предшествующего развития (или институциональную инерцию), которая относится как к формальным, так и в большей степени к неформальным институтам (обычаи, традиции, устоявшиеся нормы поведения и т. п.).

Вслед за разработкой и принятием эффективных институциональных правил встает проблема их имплементации в целях своевременного, результативного и адекватного реформирования экономики. Здесь важно учитывать, как подчеркивают представители экономической теории принуждения к исполнению законов (*economics of enforcement*), что законодательные акты и правовые нормы, будучи приняты, не действуют автоматически уже потому, что между правовыми институтами и экономической реальностью существует ряд промежуточных ступеней. Они охватывают разработку на базе новых законов нормативно-правовых подзаконных правил, формирование с их помощью новой системы стимулов, изменение под их влиянием так называемого институционального поведения экономических акторов и, наконец, преобразование экономической действительности [Пахомова, 2013, с. 81–82]. На каждом из этих этапов в силу неполноты институциональных правил и наличия противоречивых интересов у многочисленных участников процесса имплементации возможно возникновение новых барьеров и искажающих импульсов, воздействующих на процесс институциональных изменений.

Подводя общий итог начатому выше обсуждению вопроса о теоретико-методологическом базисе исследования спроса на инновации, можно заключить, что он является весьма сложным образованием. Его формируют, прежде всего, современные методы оценки и принятия эффективных инвестиционных и управленческих решений при наличии значимых внешних эффектов, других разновидностей рыночных провалов, а также факторов риска и неопределенности. В этом же ряду — уже

отмеченные выше концепции национальной инновационной системы и тройной спирали инноваций (развиваемые в рамках эволюционной экономической теории), а также различные научные школы институциональной экономики, включая школу правового реформизма, динамическую версию институционального анализа, теорию общественного выбора (новую политическую экономию) и экономическую теорию принуждения к исполнению законов.

Проанализируем с этих позиций происходящие в последнее время в стране изменения в части нормативно-правовой поддержки спроса на инновации.

3.2. Новые инициативы по институциональной поддержке спроса на инновации и отклик на них российского бизнеса

В последние годы на федеральном уровне утвержден ряд нормативно-правовых актов, которые призваны сформировать на современных принципах рамочные условия для перехода на инновационную модель развития. К числу таковых относится принятый в декабре 2014 г. Федеральный закон «О промышленной политике» (№ 488-ФЗ). В ст. 4 этого ФЗ при раскрытии целей промышленной политики на первое место поставлена задача формирования «высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности, обеспечивающей переход экономики государства от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному типу развития». И далее при конкретизации цели в указанной статье поставлена задача стимулировать субъектов деятельности в сфере промышленности к внедрению результатов интеллектуальной деятельности и освоение производства инновационной промышленной продукции [О промышленной политике..., 2014]. В результате принятия этого закона реализована настойчивая рекомендация специалистов увязать (интегрировать) задачи и механизмы промышленной и инновационной политики, обеспечивая между ними двустороннее взаимодействие. Вместе с тем длительный процесс согласования текста ФЗ подтверждает в числе прочего и тот факт, что им были затронуты могущественные группы интересов [Кленницкая, Мордорян], сила противодействия которых (в том числе сторонников неолиберальных представлений о всемогуществе свободного рынка) могла вообще застопорить его утверждение. Между тем не является секретом тот факт, что существенное затягивание с принятием этого закона является одним из факторов, препятствовавших формированию адекватной правовой основы для целенаправленного проведения в стране прогрессивных структурных реформ, отсутствие которых не только консервировало отсталую сырьевую структуру российской экономики, но и сохраняло благоприятную почву для присвоения заинтересованными лицами рентных доходов с последующим вывозом немалой их части за рубеж.

Сходные комментарии в определенных аспектах могут относиться и к утвержденному 21 июля 2014 г. Федеральному закону «О внесении изменений в Федеральный закон “Об охране окружающей среды” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (№ 219-ФЗ) [2014], введение в действие которого подвело своеобразную черту под продолжавшейся в заинтересованных общественных кругах длительной и острой дискуссии. Имплементация этого закона, с одной стороны, нацелена на достижение общественно значимых целей — радикальное оздоровление экологической обстановки на основе экологической модернизации путем комплексного внедрения в основных отраслях наилучших доступных (т. е. ориентиро-

ванных, по меньшей мере, на инкрементальные инновации) технологий. С другой стороны, достижение этих целей потребует от бизнеса масштабных, сопряженных с существенными издержками, инвестиций, которые одновременно способны стимулировать формирование спроса на современное технологическое оборудование, удовлетворяющее жестким стандартам экологичности, ресурсосбережения и энергоэффективности.

Наряду с законодательными документами, принимаемыми в форме федеральных законов, в современных специфических условиях расширилась практика более оперативного реагирования на острые общественные темы посредством подготовки и утверждения правительственных постановлений, служащих реализации актуальных направлений государственной политики. Понятно, что формирование нормативно-правовой базы посредством принятия постановлений правительства и других сходных по правовой силе нормативных документов позволяет, прежде всего, получить выигрыш во времени. Разумеется, этот выигрыш является следствием не отказа от активных общественных дискуссий как таковых (они могут проводиться и при обсуждении подобных документов, что подтверждает российская практика последнего времени, в том числе в ходе заседаний в Государственной думе), а ослабления давления ренто-ориентированных лоббистских группировок.

Возвращаясь в непосредственному анализу инновационной политики, являющейся центральной для статьи, полезно прислушаться к рекомендациям авторитетных специалистов, которые считали целесообразным разграничивать ее инструменты, используемые для поддержки фундаментальных и инкрементальных инноваций, при одновременной увязке задач инновационной и конкурентной политики [Dosi, 1982]. В случае политики, направленной на переход к новой технологической парадигме, в центре интересов регулятора, согласно этим рекомендациям, должно находиться так называемое «бремя первопроходца» (*the burden of the first comer*). Соответственно, при поддержке фундаментальных научных исследований ключевое внимание должно уделяться, прежде всего, возведению связующих институциональных мостов (*bridging institutions*) между ними и технологическими разработками. Применительно к России ситуация с возведением подобных связующих мостов, входящих в состав инновационной инфраструктуры, а также выявившиеся проблемы были вкратце освещены выше в разделе 1 настоящей статьи. Далее, согласно Дози, целесообразно концентрироваться на институциональных интервенциях, которые создают условия для конкурентного взаимодействия инноваторов, занимающихся прикладными исследованиями, разработками, а также промышленным производством новых образцов техники и технологии с выявлением среди субъектов инновационной деятельности наиболее эффективных. И, наконец, необходимы последующие селекция и отбор указанных образцов при фокусировке на задачах удовлетворения неэкономических потребностей, включая обеспечение обороноспособности страны, соблюдение действующих в стране требований при закупках оборудования, программ энергоэффективности и т. п. [Dosi, 1982, p. 160].

Что касается Федерального закона № 219-ФЗ, то ему предшествовало принятие в марте 2014 г. Распоряжения Правительства РФ № 398-р «Об утверждении комплекса мер по стимулированию внедрения современных эффективных технологий в промышленности». В этом документе содержится целая совокупность важных задач: формирование специального совета по переходу на принципы наилучших доступ-

ных технологий (НДТ) и внедрению современных технологий; разработка и утверждение концепции перехода на принципы НДТ и внедрения современных технологий в промышленном секторе России, а также плана действий («дорожной карты») по их внедрению (март—июнь 2015). Также ставится задача включения в программы инновационного развития крупнейших организаций с участием государства мероприятий и показателей, характеризующих переход на принципы НДТ (сентябрь 2015 г.); разработку предложений о локализации производства импортного оборудования, соответствующего принципам НДТ (декабрь 2015 г.) и разработку и реализацию комплекса мер по стимулированию производства в стране современного технического оборудования, соответствующего принципам наилучших доступных технологий (декабрь 2015 г. — разработка, 2016 — 2026 гг. — реализация) [Об утверждении комплекса мер..., 2014].

Закон «О внесении изменений...» № 219-ФЗ в совокупности с обслуживающими его реализацию правительственными постановлениями может служить удачным примером поддержки институциональными механизмами технико-технологической модернизации, по сути, всего производственного аппарата страны с использованием инновационных подходов, ориентированных на достижение мировых показателей в области энергоэффективности, ресурсосбережения и малоотходности. Важным с позиции формирования спроса на технико-технологические инновации является ориентация в решении этих задач на стимулирование производства соответствующего оборудования на отечественных предприятиях и на возможную локализацию изготовления импортного оборудования.

Целям расширения инвестиционного спроса на продукцию отечественных производителей с последующей поддержкой соответствующих секторов национальной экономики служит и ряд других нормативно-правовых документов, среди которых Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2013 г. № 1224 г. «Об установлении запрета и ограничений на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок товаров, работ (услуг) для нужд обороны страны и безопасности государства» [2013], вступившее в силу 3 января 2014 г. В этом же ряду находится Постановление Правительства РФ от 14 июля 2014 г. № 656 «Об установлении запрета на допуск отдельных видов товаров машиностроения, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных служб» [2014] с учетом изменений, внесенных Постановлением Правительства РФ от 31 января 2015 г. № 84 г. Речь идет, в частности, о строительной и транспортной технике, технике, используемой для разработки месторождений полезных ископаемых, а также о коммунальной технике, по которой имеются образцы отечественной продукции. При этом данными Постановлениями из-под запрета выведены товары, страной происхождения которых являются Республика Беларусь, Республика Армения и Республика Казахстан.

Данные меры призваны также стимулировать импортозамещение, которое, отметим, если является высокотехнологичным, способно оказать существенное воздействие на расширение инновационного предложения и спроса на нововведения. В январе 2015 г. Минэкономразвития определило 18 приоритетных отраслей для импортозамещения, проектам в которых в первоочередном порядке окажут господдержку при соблюдении ими следующих критериев: проект должен быть направлен

на создание условий для производства продукции, доля импорта которой на территории России составляет от 80 до 100% (рис. 1); инвестор должен самостоятельно покрывать на менее 20% финансовых ресурсов по инвестпроекту [Милюкова, Темкин, 2015]. При этом поставщики по госконтрактам стоимостью от 10 млрд руб. и сроком исполнения от трех до семи лет смогут рассчитывать на гарантии государства, которое этим поддерживает спрос на производимую продукцию. Кроме того, заключение долгосрочных контрактов на поставку товаров для госнужд будет предполагать встречные обязательства поставщика — создание необходимых производственных мощностей, трансфер технологий и оборудования для организации производства товаров, поставляемых по контракту, неизменность или ухудшение других условий контракта.

Доля импорта в обрабатывающих видах деятельности, %

Виды деятельности с самой высокой долей импорта, %

Производство станков	89
Производство обуви	87
Производство офисного оборудования и вычислительной техники	85
Производство одежды	79
Производство машин и оборудования для изготовления пищевых продуктов	77
Производство машин и оборудования для добычи полезных ископаемых и строительства	72
Производство химических средств защиты растений и другой агрохимической продукции	72
Текстильное производство	71
Производство фармацевтической продукции	69
Производство прочих машин и оборудования специального назначения	67

Виды деятельности с самой низкой долей импорта, %

Производство табачных изделий	5
Производство продуктов мукомольно-крупяной промышленности	9
Производство готовых кормов для животных	10
Издательская и полиграфическая деятельность	12
Производство прочих пищевых продуктов	13
Производство растительных и животных масел и жиров	17
Производство напитков	17
Железнодорожное машиностроение	18
Производство молочных продуктов	18
Деревообработка	19

Источник: ЦМАКП по данным ФСГС и ОТС

Рис. 1. Потенциал в области локализации производства и импортозамещения для различных видов деятельности.

Эксперты в области инвестиционной политики, поддерживая эти меры, обращают внимание на целесообразность увеличения акцента в них на так называемые контракты жизненного цикла и долгосрочные контракты, а также на неблагоприятные условия для инвестирования при сохранении ЦБ РФ ныне действующей ключевой ставки [Милюкова, Темкин, 2015].

Что касается стратегии государства по импортозамещению как фактору формирования предложения и поддержки спроса на инновации, то обратимся на этот счет к Плану первоочередных мероприятий-2015, где данной проблеме уделено значительное внимание. Для промышленности и ТЭК в связи с этим ставятся следующие задачи, часть из которых обладает и экологическим эффектом: утверждение и реализация отраслевых программ импортозамещения (41 мероприятие); продление на 2015 г. программы софинансирования из федерального бюджета автобусов и техники для ЖКХ, работающих на газомоторном топливе (42 мероприятия).

Ряд позиций Плана первоочередных мероприятий-2015 имеет непосредственное отношение к поддержке малого инновационного бизнеса. Речь идет о 24-м мероприятии, которое предусматривает расширение мер поддержки малых инновационных предприятий посредством предоставления грантов для финансового обеспечения проектов с перспективой их коммерциализации, а также расширение масштабов

реализации программ поддержки малых инновационных предприятий, реализуемых Фондом содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере. Кроме того, предусмотрен целый ряд стимулирующих мер, касающихся МСБ в целом, которые объединены в специальном разделе Плана первоочередных мероприятий. В числе предусмотренных мер — увеличение в 2 раза предельных значений для выручки от реализации товаров (работ, услуг) для отнесения хозяйствующих субъектов к категории малого и среднего предпринимательства: для микропредприятий — с 60 до 120 млн руб.; для малых предприятий — с 400 до 800 млн руб.; для средних предприятий — с 1 до 2 млрд руб. [Милюкова, Темкин, 2015].

В этом же ряду — расширение возможностей доступа малых и средних предприятий к закупкам, осуществляемым в соответствии с ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [2014]. Для реализации этих и других мер Плана первоочередных мероприятий-2015 предполагается принятие специальных федеральных законов.

Давая оценку всем этим мерам в контексте проблематики статьи, есть основания заключить, что инновационная компонента в программах импортозамещения Плана первоочередных мероприятий-2015 пока не стала сквозным целевым ориентиром. В данных условиях целесообразно продолжить экспертный мониторинг этих мер, теперь уже по отношению к отраслевым программам импортозамещения. Считаю также целесообразным при уточнении Плана первоочередных мероприятий-2015 и его возможной пролонгации на последующий период, в целях придания ему большей комплексности, предусмотреть целевые меры поддержки предприятий, включая МСБ, занятых разработкой и производством техники и оборудования, направляемых, как это предусмотрено Законом «О внесении изменений...» № 219-ФЗ [2014], в экологическую модернизацию производственного аппарата страны с выходом на НДТ. Кроме того, полезно провести своеобразную инвентаризацию действующих стимулирующих механизмов с выявлением причин неэффективности целого ряда из них. Богатую почву для размышлений и анализа отклика бизнеса на введенные в последние годы в стране новые институты дает информация, представленная в табл. 1.

Как вытекает из данных табл. 1, из общего числа тех компаний, на которые распространяется соответствующий льготный режим, более половины предприятий применяют только льготу по отмене налога на движимое имущество и амортизационной премии в размере 10% по налогу на прибыль. В свою очередь, менее 10% компаний откликнулись в своей деятельности на следующие пять разновидностей льгот: пониженная ставка налога на прибыль организаций; возможность применения к основной норме амортизации специальных коэффициентов для основных средств, имеющих высокую энергетическую эффективность; использование коэффициента 1,5 по затратам на НИОКР; специальный коэффициент (не более 3) в отношении амортизационных ОС, применяемых только для НТД; освобождение от НДС операций по реализации исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. С учетом этого можно рекомендовать до введения новых стимулирующих механизмов (или, в силу дефицита времени, параллельно с их введением) выявить слабую действенность существующих с определением причин подобного положения вещей.

Таблица 1. Интенсивность использования российским бизнесом существующих в стране стимулирующих преференций и льгот

№ п/п	Суть преференции	Бизнесмены, не пользовавшиеся преференциями, %
1	Отмена налога на движимое имущество, принятого на учет в компании с 1 января 2013 года или позже	42,9
2	Введение амортизационной премии в размере 10% по налогу на прибыль	48,8
3	Увеличение амортизационной премии до 30% для основных средств 3–7 группы — срок полезного использования 3–20 лет	57,8
4	Освобождение от НДС НИР и НИОКР, выполняемых за счет средств бюджетов и различных фондов	70,3
5	Освобождение от НДС ввоза технологического оборудования (по перечню), не имеющего аналогов в России	84,4
6	Получение инвестиционного кредита на проекты, имеющие наивысший класс энергетической эффективности в соответствии с перечнем, утвержденным федеральным правительством	87,5
7	Предоставление отдельным категориям налогоплательщиков пониженной ставки налога на прибыль организаций	91,3
8	Применение к основной норме амортизации специальных коэффициентов в отношении амортизации основных средств, относящихся к объектам, имеющим высокую энергетическую эффективность	93,3
9	Введение коэффициента 1,5 по затратам на НИОКР	93,8
10	Специальный коэффициент (не более 3) в отношении амортизационных ОС, используемый только для НТД	95,3
11	Освобождение от НДС операций по реализации исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности	95,6

Источники: [Нетреба и др., 2015].

Данные табл. 1 могут служить и еще одним подтверждением приведенного выше вывода о том, что российский бизнес, прежде всего крупный, все еще недостаточно активен в области инноваций. Дополняя ранее приведенные на этот счет данные, обратим внимание на низкий удельный вес инновационных товаров, работ и услуг в объеме отгруженных товаров, который, хотя и поднялся в 2012 г. до 7,8% (для сравнения: в 2010 г. он составлял лишь 4.8%) [Россия в цифрах, 2014, с. 386], но остается на недопустимо низком уровне и в сравнении с целевыми индикаторами «Инновационной стратегии-2020», и с показателями других стран.

Вместе с тем на этом неблагоприятном в целом фоне имеются и положительные примеры. Их демонстрирует та часть российского бизнеса, которая ориентируется в своих стратегиях на расширение присутствия не только на национальном, но и на международных рынках. К числу таковых принадлежит «АвтоВАЗ», который с лета 2014 г. проводит омологацию моделей *Kalina*, *Granta* для соответствия экологическим требованиям Евро-6. Сейчас автомобили *Lada* для России соответствуют требованиям Евро-4, для Евросоюза — Евро-5. В ноябре 2014 г. в Европе вступил в действие новый техрегламент, согласно которому для постановки на учет автомобиль должен быть оборудован датчиком давления в шинах. В настоящий момент служба инжиниринга ведет работу по адаптации техники к новым требованиям. На

2015 год «АвтоВАЗ» поставил задачу удвоить экспорт — с 52 до 100 тыс. автомобилей [Валагин, 2015].

К числу секторов экономики, которые уже в краткосрочной перспективе могут испытать модернизирующее воздействие задаваемых ФЗ-219 новых институциональных рамочных условий, относится строительство, в рамках которого в последние годы целенаправленно реализуется целый комплекс мероприятий. Свежим примером мер по инновационной модернизации, предполагающей последовательное использование принципов зеленого строительства, является разработка Фондом содействия реформированию ЖКХ программы строительства так называемых «умных домов», базирующейся на принципах энергоэффективности и экономичного водоснабжения [Россию застроят «умными домами», 2015].

Еще одним примером активного подключения российских системообразующих предприятий к поддержке спроса на инновационную продукцию и технологические системы в рамках программ импортозамещения является компания «Газпромнефть». В компании в конце 2014 г. создан специальный департамент по импортозамещению и внесены поправки в положение о закупках, согласно которым изделия из металла и машиностроительная продукция должны закупаться преимущественно у российских производителей, «за исключением случаев отсутствия производства в России указанных товаров и их аналогов» [«Газпром» начал искать..., 2015].

4. Необходимый уровень благосостояния населения и сокращение неоправданного неравенства в доходах как факторы формирования спроса на инновации

В рамках экономического анализа проблемы формирования спроса на инновации имеет смысл выработать меры, которые могут быть реализованы уже на краткосрочном интервале и способны дать весьма ощутимый и широкий эффект. В данном аспекте обратим внимание на обеспечение достойного уровня благосостояния основной части российского населения и преодоления ставшего угрожающим неравенства в распределении доходов в качестве важнейшего фактора формирования потребительской компоненты спроса на инновации.

Что касается потребительского спроса, то, в силу специфичной для России структуры доходов и сохранения глубокого неравенства в их распределении, на практике имеет место либо отсутствие у значительной доли населения из-за низких доходов какого-либо спроса на инновации, либо, как это имеет место для высокодоходных слоев населения, удовлетворение этого спроса преимущественно на зарубежных рынках (например, жилой недвижимости) или на отечественных, но опять же за счет импортных товаров и услуг. Действующие для России санкционные режимы, так же как и осознание основными группами интересов в обществе неотвратимости глубоких структурных реформ, помогли переключить внимание политиков на предлагаемые отечественными предприятиями продукты и услуги, в том числе в рамках программ импортозамещения. Тем не менее велики опасения, что возможность переключения потребительского спроса на продукцию и услуги отечественных производителей и поддержки тем самым их деятельности, с учетом коммерческих интересов российских сетевых ретейлеров, не будет носить устойчивого характера. Однако существует и ряд других важных аспектов данной многогранной проблемы.

Традиционно при изучении подобных дисбалансов акцент делался, особенно в периоды, предшествовавшие выборным компаниям, на провоцирование ими социальной и политической неустойчивости в обществе, включая опасность радикализации протестных движений. Исследуется данная проблема и в контексте обеспечения социально-экономической устойчивости и справедливости в ходе решения задач перехода страны к инклюзивной модели роста [Пахомова и др., 2014]. Однако являющийся очевидным вывод о том, что потребительский спрос на продукцию и услуги отечественных поставщиков предъявляют, прежде всего, низко- и среднеоплачиваемые категории населения, по-новому высвечивает ряд граней становящейся хронической для российского общества проблемы неравенства в распределении доходов и уровне благосостояния населения. Одним из первых к изучению этих граней обратился И. Розмаинский в связи с анализом деформаций и недостаточности инвестиций в экономику страны, наличие которых он увязал с масштабами непроизводительного потребления так называемых «новых русских», размерами предъявляемого ими спроса на предметы роскоши, что существенно ослабляет возможности для инвестирования и способствует оттоку капиталов за рубеж [Розмаинский, 2001].

Однако не менее важным в этом контексте является и существование значительного разрыва в уровне потребительских доходов в качестве фактора, препятствующего устойчивому формированию спроса на инновационные продукты и услуги со стороны значительной части российского населения. Дополнительная актуальность данной проблемы определяется и условиями переориентации России на внутренние источники накоплений, которая должна стать составной частью реализуемых в стране структурных реформ.

Обеспечение достойного уровня благосостояния основной части российского населения как необходимое условие формирования устойчивого потребительского спроса на инновации связано не только с непомерными доходами тех групп населения, которые принято называть «новыми русскими», на что обращают основное внимание представители партий социально-демократического крыла российского общества. Как подтверждают и проводимые в последнее время исследования, проблема разрыва в уровне доходов определенных слоев населения имеет и другие актуальные стороны. В этом плане интерес представляют исследования соотношения доходов госслужащих и «рядового» населения, как и соотношение в их численности, которые проводились ОЭСР и РБК. Что касается численности, или, точнее, доли занятых в госучреждениях (это так называемое «general government», куда наряду с государственными чиновниками попадают все работники бюджетных учреждений — врачи, учителя, работники правоохранительных органов, военные и т. д.), то, как показывают результаты исследования ОЭСР «Government at a Glance 2013», в России в 2011 г. эта доля составила 17,7% от совокупной рабочей силы. И она снизилась по сравнению с 2008 г. на 2,5%. Однако одновременно в этот же период возросло число работников госкомпаний с 10,4 до 12,9%, что дало основание сделать вывод о том, что сокращение численности занятых в госучреждениях компенсировалось ростом персонала госкорпораций. В итоге общая занятость в госсекторе оставалась в 2011 г. на уровне 30,6% [Соколов, Терентьев, 2014]. Что касается собственно госслужащих, то в России в 2013 г., по оценкам РБК, полученным на основании данных Росстата, их численность составила 1 млн 455 тыс. человек (1,9% рабочей силы). Из них в фе-

деральных органах власти работало 248 тыс. человек, в региональных — 246 тыс., в органах местного самоуправления — 498 тыс., финансовых и налоговых органах — 217 тыс., судах — 151 тыс., прочих органах — 95 тыс. В итоге в стране в 2013 г. на 10 тыс. населения приходилось 102 госчиновника. Вместе с тем что касается численности бюрократии, то в России она далеко не самая большая. В Скандинавских странах и Канаде госслужащих на душу населения примерно в два-три раза больше, чем в России. В Германии, США, Японии, Испании, Израиле численность чиновников примерно схожа с российским уровнем и составляет 100–110 человек на 10 тыс. граждан, или около 2% всей рабочей силы [Соколов, Терентьев, 2014].

Проблема сокращения численности госслужащих находится в поле внимания президентских структур. Так, согласно принятым в 2013 г. на президентском уровне решениям, предельная численность федеральных чиновников к концу марта 2013 г. должна была снизиться на 20% по сравнению с уровнем 2010 г. Фактическое же снижение составило 12% и меньше. Однако дело не только и не столько в численности бюрократии, сколько в постоянно увеличивающихся расходах на ее содержание. Так, рост совокупных расходов на оплату труда занятых в госуправлении в период с 2009 по 2013 г. составил, по данным Росстата, 31%, а в абсолютном выражении эти расходы были равны в 2013 г. 682,7 млрд руб. В результате средняя зарплата чиновников в федеральных государственных органах власти в 2013 г. достигла 98,4 тыс. руб., увеличившись на 36,5% по сравнению с предыдущим годом [Соколов, Терентьев, 2014].

Еще большую остроту данная проблема имеет применительно к уровню зарплаты руководителей госкомпаний, которые, согласно парламентским расследованиям, в десятки раз превышают зарплату президента страны. В настоящее время в Госдуме готовится законопроект, согласно которому топ-менеджеры госкомпаний не должны получать зарплату, превышающую оплату труда федерального министра, отвечающего за соответствующую отрасль [Топ-менеджер..., 2015]. Однако с учетом известной расстановки политических сил в нижней палате российского парламента подобного рода законопроекты могут быть приняты лишь при их поддержке большинством депутатов, включая представителей «Единой России». Ждет своей имплементации и решение об ограничении в условиях сложившейся в стране сложной экономической ситуации выплат при увольнении для топ-менеджеров госкомпаний и госкорпораций тремя среднемесячными заработками, как это происходит в отношении всех других российских работников [В ГД готовы..., 2014].

Федеральные власти, понимая остроту проблемы, начали зондаж общественного мнения относительно повышения пенсионного возраста, без чего невозможно решать проблему низкого уровня пенсионного обеспечения. В этом же ряду — заморозка заработных плат чиновникам федеральных структур, обязанность топ-менеджеров госпредприятий и госкорпораций открывать информацию о своих доходах, что ставит их хотя бы *post factum* под мало-мальский общественный контроль; введение повышенных налогов на элитную жилую недвижимость (являющихся вариантом налогов на роскошь). Вместе с тем это частичные меры, которые не устраняют одну из главных причин социально-экономического неравенства — наличие плоской школы налогообложения. Будут ли в этом плане реализованы меры по переходу к прогрессивной шкале налогообложения, которая применяется в подавляющем большинстве стран, зависит не только от расстановки политических сил в об-

ществе и активности противодействующих этому лоббистских группировок, но и от наличия политической воли для проведения этих назревших структурных реформ. Отметим, что их реализация не только будет служить пополнению бюджетных доходов, создающих основу для повышения инвестиционного спроса, но и явится мерой, направленной на реализацию социальной справедливости в обществе⁸. Без решения этой проблемы российское общество сможет только выражать сожаление относительно очередной сотни бывших ранее российскими миллионеров, которые, накопив, в том числе благодаря действующей в стране плоской школе налогообложения на доходы физических лиц, значительные денежные средства, купили на них элитную заграничную недвижимость и приобрели статус иностранного гражданина. Пока же на фоне кризисных процессов реальные доходы населения впервые с 2000 г. упали [Реальные доходы россиян..., 2015]. Что же касается крупного российского бизнеса, то ряд его представителей демонстрируют стандарты не совсем этичного в условиях кризиса поведения, увеличивая свои доходы, в том числе и в условиях драматического падения выручки [Калюков; Калюков, Кирьян].

Краткие выводы

Как показал проведенный в статье анализ, необходимость интенсификации теоретических исследований проблемы формирования спроса на инновации и усиление внимания к ней в практической плоскости определяются целой совокупностью обстоятельств. К числу важнейших из них относятся следующие: недостаточный уровень разработки данной проблематики в литературе с учетом российской специфики; недоучет роли, которую способен играть спрос на инновации в качестве мощной и самостоятельно действующей рыночной тяги (*innovation pull*); сохранение на низком уровне инновационной активности отечественного бизнеса, включая крупный; устаревшие формы его взаимодействия с МСБ; недостаточный учет спроса на инновации в разрабатываемых в стране программных документах, призванных запустить комплекс радикальных структурных реформ.

При исследовании проблемы инновационного спроса необходимо учитывать его основные структурные компоненты, включая спрос на макро-, мезо- и микроэкономическом уровнях, спрос на национальных (региональных, муниципальных) и на международных рынках; инвестиционный и потребительский спрос. При анализе инвестиционного спроса целесообразно разграничивать таковой со стороны государственных предприятий и предприятий с госучастием, крупных частных компаний, а также МСБ. Особую актуальность для России имеет и проблема формирования платежеспособного потребительского спроса на инновации, предпосылкой для решения которой служит последовательная модернизация на адекватных новым вызовам принципах политики доходов и налогообложения населения, а также пенсионного обеспечения.

---

⁸ В качестве примера обращения к такого рода инструментам можно привести предложение Президента США Б. Обамы увеличить подоходные (точнее, посемейные) налоги для состоятельных американцев. А именно: с 23,8% до до 28% для семей, общий годовой доход которых превышает 500 тыс. долл. При этом ранее по его предложению эта ставка уже повышалась с прежнего уровня в 15%. Также предлагается обложить налогами американцев, владеющих ценными бумагами, которые ими получены по наследству [Обама решил..., 2015].

Обеспечивая поддержку спроса на инновации с организационной стороны, целесообразно обратиться к опыту лидирующих на глобальных рынках компаний в области разработки и внедрения целостных бизнес-моделей, характеризующихся уникальным сочетанием микроинноваций на стороне предложения и спроса, которые способствуют вовлечению в инновационные процессы многочисленных стейкхолдеров, в том числе внешних для компании. Заслуживают всемерного внимания также инновационные сети, которые способны облегчать трансферт неявных (некодифицированных) знаний, повышать скорость производства и вывода на рынок новой продукции и услуг, запуская как итог инновационный мультипликатор. Для России остро актуален поиск наиболее эффективных организационных форм взаимодействия крупных компаний с инновационным МСБ, а также обобщение с точки зрения формирования спроса на инновации результатов деятельности научно-производственных инновационных кластеров.

Анализ новых инициатив по институциональной поддержке спроса на инновации со стороны государства и отклика на них российского бизнеса показал интенсификацию в последние месяцы усилий в этом направлении. Принципиальное значение имеет принятие в конце 2014 г. Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации» (№ 488-ФЗ), который исходит из целесообразности интеграции целевых установок промышленной и инновационной политики. В соответствии с Законом «О внесении изменений...» № 219-ФЗ [2014] сформирована правовая основа для экологически ориентированной поэтапной модернизации всего производственно-технологического аппарата страны на принципах наилучших доступных, т.е. ориентированных на инновации, технологий. Применительно к указанному закону, реализация которого проходит первый, связанный в основном с подготовкой нормативной документации, этап, целесообразно для повышения оперативности параллельно расширить практику реализации бизнесом пилотных проектов как по производству современного технологического оборудования, отвечающего принципу НДТ, так и по его использованию.

Изучение Плана первоочередных мероприятий-2015, включая реализуемую на его основе политику импортозамещения и соответствующие стратегии бизнеса, показывает необходимость еще раз подчеркнуть, что это импортозамещение должно быть по преимуществу высокотехнологичным и ориентироваться в том числе и на задачи повышения энергоэффективности и экологической безопасности.

Литература

- Березной А.* Инновационные бизнес-модели в конкурентной стратегии крупных корпораций // Вопросы экономики. 2014. № 9. С. 65–81.
- Брылкина А. В., Мотосова Е. А.* Обеспечение экологически ориентированного роста экономики на основе внедрения экологических инноваций // Экономика природопользования. 2014. № 6. С. 4–19.
- Бляхман Л. С., Газизуллин Н. Ф.* Теоретические основы перехода к социально-инновационной плановой экономике (часть 2) // Проблемы современной экономики. 2014. № 4 (52). С. 19–24.
- Валагин А.* Lada адаптируют под Евро-6 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2015/01/25/lada-site-anons.html> (дата обращения: 17.02.2015).
- В ГД готовы подумать об отмене «золотых парашютов» для топ-менеджеров. 18.12.2014. РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/economy/20141218/1039032424.html> (дата обращения: 18.03.2015).
- В. Путин: Естественные монополии и компании с госучастием создадут спрос на инновационный продукт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20100803195607/> (дата обращения: 19.04.2015).

- Ведущие ученые РАН дали рекомендации по выходу России из кризиса. ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/nauka/1744668> (дата обращения: 04.02.2015).
- «Газпром» начал искать в России замену иностранным поставщикам. 18.02.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/news/280453-gazprom-nachal-iskat-v-rossii-zamenu-inostrannym-postavshchikam> (дата обращения: 18.03.2015).
- Голиченко О. Национальная инновационная система: от концепции к методологии исследования // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 35–50.
- Закирова Э. О. Совершенствование институционального механизма стимулирования спроса на инновации в регионе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 38 (131). С. 49–53.
- Имитация инноваций: Россия отстает даже от развивающихся стран [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/economics/17/10/2013/882656.shtml> (дата обращения: 12.02.2015).
- Калюков Е. Выплаты членам правления «Газпрома» в 2014 году выросли на 43% [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/business/13/02/2015/54dde83b9a79478c696352da> (дата обращения: 16.02.2015).
- Калюков Е., Кирьян П. Прибыль «Газпрома» за девять месяцев 2014 года снизилась на 35% [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/business/29/01/2015> (дата обращения: 16.02.2015).
- Кленницкая А., Мордорян Т. На нет и роста нет. Отсутствие в России промышленной политики убивает потенциальный драйвер роста [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/growth/2014/07/16_a_6115629.shtml (дата обращения: 17.02.2015).
- Коптюбенко Д., Немцова Ж., Гликин М. Кудрин — РБК: «Главная проблема — полное отсутствие доверия к политике» [Электронный ресурс]. URL: <http://daily.rbc.ru/interview/economics/12/01/2015> (дата обращения: 25.02.2015).
- Краузова Е. Частный венчурный капитал разочаровался в России [Электронный ресурс]. URL: http://top.rbc.ru/own_business/03/12/2014 (дата обращения: 12.02.2015).
- Кучко Е. Е. Систематизация подходов к классификации инноваций // Социология. 2008. № 4. С. 61–70.
- Лагард: Мировой экономический рост остается слишком уязвимым и слишком односторонним 15.01.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/1700449> (дата обращения: 25.02.2015).
- Мазница Е. М. Формирование платежеспособного спроса на инновации на основе развития регионального жилищно-коммунального хозяйства // Вестник Инжэкона. Серия «Экономика». 2010. Вып. 1(38). С. 72–77.
- Мещераков В. Дворкович срывает покровы: Инновационное развитие России пробуксовывает [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnews.ru/top/2014/12/22/dvorkovich_sryvaet_pokrovu_innovacionnoe_razvitiye_rossii_probuksovyvaet (дата обращения: 25.02.2015).
- Милюкова Я., Темкин А. Госпоставщикам дадут гарантии в обмен на локализацию производства [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/economics/10/02/2015> (дата обращения: 27.02.2015).
- Нетреба П., Штыкина А., Темкин А. Минпромторг написал программу поддержки промышленности на 159 млрд рублей [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/economics/06/02/2015> (дата обращения: 25.02.2015).
- Нетреба П. Антикризисная комиссия определила 190 системообразующих предприятий [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/economics/05/02/2015> (дата обращения: 27.02.2015).
- Обама решил увеличить налоги для состоятельных американцев. Lenta.ru 07:01 [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2015/01/18/obama1/> (дата обращения: 22.02.2015).
- О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 14.02.2015).
- О промышленной политике в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/printable/2015/01/12/promyshlennost-dok.html> (дата обращения: 19.01.2015).
- Об утверждении комплекса мер по стимулированию внедрения современных эффективных технологий в промышленности: Распоряжение Правительства РФ № 398-р от 19.03.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/11258/> (дата обращения: 17.05.2015).
- Об установлении запрета и ограничений на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок товаров, работ (услуг) для нужд обороны страны и безопасности государства:

- Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2013 г. № 1224 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156320/ (дата обращения: 17.05.2015).
- Об установлении запрета на допуск отдельных видов товаров машиностроения, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных служб: Постановление Правительства РФ от 14 июля 2014 г. № 656 (ред. от 31.01.2015) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174798/ (дата обращения: 17.05.2015).
- О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 14 июля 2014 г. № 656: Постановление Правительства РФ от 31.01.2015 № 84 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174788/ (дата обращения: 18.05.2015).
- О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ (ред. от 12.03.2014, с изм. от 29.12.2014) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166488/ (дата обращения: 17.05.2015).
- Пахомова Н. В.* Экономический анализ права: от теоретических идей к хозяйственной практике // Институты и экономическое развития: отечественный и зарубежный опыт / под ред. М. А. Румянцева, Г. В. Борисова. М.: РГ-Пресс, 2013. С. 52–94.
- Пахомова Н. В., Казьмин А. А.* Взаимосвязь структуры рынка и инновационной активности фирм: новые результаты с учетом технологических возможностей отраслей // Проблемы современной экономики. 2013. № 4 (48). С. 53–60.
- Пахомова Н. В., Рихтер К. К., Малышков Г. Б.* Инклюзивный устойчивый рост: приоритеты, индикаторы, международный опыт, потенциал согласования с моделью реиндустриализации // Проблемы современной экономики. 2014. № 3 (51). С. 15–24.
- Пахомова Н. В., Ткаченко Д. С.* Институты поддержки инновационной деятельности в России: логика формирования и современное состояние // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Серия 5. Экономика. 2014. № 2. С. 87–105.
- Перлаки И.* Нововведения в организациях. М.: Экономика, 1981. 144 с.
- План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г. Утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 января 2015 г., № 98-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/7QoLbdOVNpC.pdf> (дата обращения: 19.04.2015).
- Реальные доходы россиян упали впервые с 2000 года. 28.01.2015 РБК [Электронный ресурс]. URL: http://finance.rambler.ru/news/economics/157278873.html?utm_source=news&utm_content=finance&utm_medium=midcol&utm_campaign=self_promo (дата обращения: 18.03.2015).
- Россию застроят «умными домами». 04.01.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://realty.rambler.ru/news/rossiyu-zastroyat-umnymi-domami> (дата обращения: 18.03.2015).
- Романюк Р.* Внутренние резервы против внешних вызовов // Эксперт Северо-Запада. 2015. № 5. С. 20–23.
- Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям (пер. с англ.). 3-е изд. Совместное издание ОЭСР и Евростата. М., 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.mon.gov.ru/files/materials/7766/ruk.oslo.pdf> (дата обращения: 27.05.2013).
- Розмаинский И. В.* Ограниченность методологического индивидуализма, общественная идеология и динамика инвестиций в России // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Серия 5. Экономика. 2001. № 1. С. 133–138.
- Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2014. 558 с.
- Сараев В.* Обреченные заниматься наукой. Как город Троицк пытается стать инновационным [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/01/19/troitsk/> (дата обращения: 24.02.2015).
- Симачев Ю. В., Кузык М. Г., Фейгина В. В.* Взаимодействие российских компаний и исследовательских организаций в проведении НИОКР: третий не лишний? // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 4–34.
- Серегин В.* Хватит лгать: малый бизнес просит власть перейти от слов к делу [Электронный ресурс]. URL: http://top.rbc.ru/own_business/02/02/2015 (дата обращения: 27.02.2015).
- Сморodinская Н.* Тройная спираль как матрица экономических систем // Инновации. 2011. № 4. С. 66–78.
- Соколов А., Терентьев И.* Исследование РБК: сколько в России чиновников и много ли они зарабатывают [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/economics/15/10/2014> (дата обращения: 16.02.2015).
- Топ-менеджер не должен получать больше, чем министр, считают в КППФ, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/society/20150109/1041848464.html> (дата обращения: 18.03.2015).

- Туркот А.* Почему венчурные фонды уходят из России [Электронный ресурс]. URL: <http://daily.rbc.ru/opinions/business/25/11/2014> (дата обращения: 16.03.2015).
- Унтура Г. А.* Трансформация технопарка в инновационный центр // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Серия 5: Экономика. 2014. Вып. 4. С. 76–102.
- Формирование спроса на инновации: проблемы, задачи, перспективы развития среднего бизнеса: круглый стол [Электронный ресурс]. URL: http://i.rbc.ru/anons/item/kak_stimulirovat_spros_na_innovatsii (дата обращения: 13.02.2015).
- Фролов А. С.* Проблемы координации мер научно-технологической, инновационной и промышленной политики в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. № 4(20). С. 133–147.
- Экономика инновационных изменений и ее организационно-институциональная поддержка / под ред. Н. В. Пахомовой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. 454 с.
- Эксперт Юг. 2010. № 18-19 (107) [Электронный ресурс]. URL: http://expert.ru/south/2010/18/spros_dolzhen_spzdat_biznes/ (дата обращения: 16.02.2015).
- Яковенко Д.* Урок финансовой ирригации // Эксперт. 2015. № 16. С. 13–19.
- Яковец Ю. В.* Инновации: теория, механизм, государственное регулирование. М., 2000. 298 с.
- Astebro Th.* Effects of Expected Demand, Technological Opportunity, Appropriability and Competitive Conditions on Invention Commercialization. 02.2003 [Electronic resource]. URL: http://www.researchgate.net/publication/229050756_Effects_of_Expected_Demand_Technological_Opportunity_Appropriability_and_Competitive_Conditions_on_Invention_Commercialization (accessed: 16.02.2015).
- Dosi G.* Technological Paradigms and Technological Trajectories. A Suggested Interpretation of the Determinants and Directions of Technical Change // Research Policy. 1982. N 11. P. 147–162.
- Innovation Networks: Looking for Ideas Outside the Company. 2007. Nov.14 [Electronic resource]. URL: <http://knowledge.wharton.upenn.edu/article/innovation-networks-looking-for-ideas-outside-the-company/> (accessed: 19.02.2015).
- Global Innovation Index 2014. The Human Factor in Innovation [Electronic resource]. URL: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/economics/gii/gii_2014.pdf (accessed: 25.02.2015).
- Mensch G.* Stalemate in technology: Innovation overcomes the depression. Cambridge, Mass.: Ballinger Pub. Co., 1979. 241 p.
- Ministerial Report on the OECD Innovation Strategy «Innovation to strengthen growth and address global and social challenges». Key Findings [Electronic resource]. URL: <http://www.oecd.org/sti/45326349.pdf> (accessed: 17.02.2015)
- Mowery D., Rosenberg N.* The Influence of Market Demand Upon Innovation — A Critical Review of Some Recent Empirical Studies // Research Policy. 1979. Vol. 8, N 2. P. 102–153.
- Schmookler J.* Economic Sources of Inventive Activity // Journal of Economic History. 1962. XXII (I). P. 1–20.
- Schumpeter J.* The Theory of Economic Development. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1934. 255p.
- Teece D.* Business Models, Business Strategy and Innovation // Long Range Planning. 2010. Vol. 43, N 1. P. 172–194.

Статья поступила в редакцию 16 апреля 2015 г.